

Глава IV

Декларация прав: человека или гражданина?

Проект новой Конституции Франции состоял (не считая Декларации прав) из более чем трех с половиной сотен статей, тогда как Конституция 1793 года ограничивалась ста двадцатью тремя. В двух последующих главах мне хотелось бы сосредоточиться на тех узловых моментах, которые вызвали наибольшее количество дискуссий как в стенах Конвента, так и в обществе в целом. И, безусловно, одно из ключевых мест в этих спорах занимали проблемы, казалось бы, далекие от повседневной практики – проблемы прав человека и гражданина.

Как известно, к 1795 году уже существовали две Декларации прав – принятая Национальным собранием в августе 1789 года и та, что предваряла текст якобинской Конституции 1793 года. Более того, если текст 1789 года не выносился на утверждение народа, то Декларация 1793 года была одобрена на референдуме, и об этом хорошо помнили. Не случайно в одном из революционных катехизисов III года Республики на вопрос, когда была принята Декларация прав человека и гражданина, следовал ответ – в 1793 году, причем подчеркивалось, что она была выработана «самим Французским Народом, поручившим своим представителям представить ему проект»¹.

Открывая в Конвенте обсуждение новой Декларации, Дону, докладчик Комиссии одиннадцати, счел необходимым подчеркнуть, что Комиссия «хотела не создавать новую декларацию прав, а убрать из первой все, что в ней было роялистского, а из последней, – анархического, чтобы создать настолько совершенное единство, насколько возможно»². Таким образом, необходимость изменений

¹ Catéchisme de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Bruxelles, III. P. 10-12.

² Moniteur. № 289. P. 1164.

была продекларирована с самого начала. Конвент же, в свою очередь, обсуждал большинство статей долго и подробно, в несколько чтений, с отсрочкой и возвращением к ним через несколько дней.

Какие тезисы в первую очередь смущали депутатов в тексте 1793 года, если не считать того, что к якобинской Декларации прав во многом относились также, как и к Конституции, которую она предваряла? Ведь «скорее всего, – делился с Комиссией одиннадцати своими размышлениями аноним из Парижа, – Колло д'Эрбуа, руководивший составлением декларации прав человека, придумывал ее лишь с преступными намерениями»¹.

Эти «преступные намерения» просматривались термидорианцами в целом ряде статей.

Статья 26, провозглашавшая, в частности, что «каждая часть собранного воедино суверена должна иметь право совершенно свободно выражать свою волю»². При Термидоре в ней видели замаскированное благословение создания народных обществ. Те, кто требует исполнения Конституции 1793 года, отмечал Лемуар-Ларош, «прекрасно знают, что день, когда она будет введена в действие, станет днем воскресения якобинцев»³.

Статья 27, гласившая: «Пусть каждый, кто узурпирует суверенитет, будет немедленно предан смерти свободными людьми». Но кого считать «свободным человеком», интересуется тот же автор? Как предавать смерти узурпатора – объявив его вне закона? И кто наделен правом решать, что такое узурпация суверенитета⁴? Вопросов здесь было больше, нежели ответов.

Статья 33, устанавливающая, что «сопротивление угнетению есть следствие других Прав человека». «Какова разница между сопротивлением угнетению и бунтом?» – спрашивается в уже цитировавшемся выше катехизисе. «Одно законно, – гласит ответ, –

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 12.

² Здесь и далее цит. по: *Les Constitutions de la France depuis 1789*. P. 82 et suiv. (На русском языке тексты Деклараций прав человека и гражданина можно найти в: *Документы истории Великой французской революции*. М., 1990. Т. 1.

³ *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 13.

⁴ *Ibid.* P. 15-16.

поскольку это естественное право человека; другое – преступно, поскольку всегда является сопротивлением воле Общества и Закона»¹.

Формулировки, как видим, весьма расплывчаты, а статьи 34 и 35, которые должны были их прояснить, еще более туманны. Согласно первой, «если угнетается хотя бы один член общества, угнетается все общество». Вторая же отмечала, что «когда правительство (*gouvernement*) нарушает права народа, восстание является для всего народа и для каждой его части самым священным из прав и самой непреложной из обязанностей».

Здесь у современников возникал целый ряд вопросов, которые максимально полно изложены в одном из писем в Комиссию. Что понимать под «*gouvernement*» – Законодательный корпус? Но суверенитет неделим, значит, депутаты – это не представители народа, и, тем более, не его «*gouverneurs*». Исполнительную власть? Но ее члены лишь исполняют волю народа-суверена, то есть, опять же не правят. Кто же остается? «Никто, кроме самого народа-суверена».

И что такое «восстание»? «Сопротивление угнетению»? Но очевидно, что в Декларации речь идет о восстании в политическом смысле, соответственно, возникает необходимость поставить его хотя бы в какие-то рамки. Что такое «часть народа»? Муниципалитет, кантон, отдельный человек? Кто должен высказываться о законности восстания, предоставлять восставшим то, что они требуют? Получается, что только весь народ². Но в таком случае эти статьи окончательно теряют всякий смысл.

К сожалению, сюжет монографии не позволяет углубиться в исследование тех причин, по которым столь расплывчатые статьи устраивали депутатов во времена диктатуры монтаньяров. Однако, на мой взгляд, включение их в текст Декларации именно в таких формулировках отнюдь не случайно – хотя бы потому, что они позволяли задним числом провести легитимацию восстания 31 мая – 2 июня 1793 года. В то же время, весьма сомнительно, чтобы на них планировали опираться и в будущем: обвинив Эбера именно в

¹ Catéchisme de la déclaration des droits... P. 128.

² A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 26. P.. 37-43.

попытке восстания против правительства, монтаньяры ясно давали понять, сколь мало значения они придают праву на восстание¹.

Корреспонденты Комиссии предлагали два варианта решения проблемы.

Одни авторы были уверены, что Декларацию следует переделать от начала и до конца. Если возникнут сомнения в законности такого решения, стоит вспомнить о том, что поскольку народ при диктатуре монтаньяров не утверждал никаких законов, то все декреты с момента принятия Конституции считаются недействительными². Однако в любом случае от этих статей необходимо избавиться, поскольку они «не нужны при хорошем управлении и могут разжечь гражданскую войну», а узурпаторов суверенитета вместо того, чтобы убивать на месте, надо судить³. Предлагалось даже вместо того, чтобы разрешать все разногласия путем восстаний, предусмотреть нормальный механизм отзыва депутатов⁴ – то, чего Революция так и не сделала.

Другие авторы пытались подкорректировать имеющееся. Восстание допустимо, считает один из них, но только если правительство нарушит конституцию⁵. Еще один вариант: сохранить спорные статьи, но четко указать, в каком случае и в какой форме возможно восстание⁶.

Памфлетисты высказывались резче и казались более искусными в искусстве полемики. Так, Лезей-Марнезия признавал, что восстание – это «неоспоримое право», однако «его надо использовать, как используют драгоценный бриллиант, владельцами которого, несомненно, являются, но оставляют тщательно запертым в

¹ О том, что право на восстание благополучно нарушалось при монтаньярах говорится и в одной из петиций, направленных в Конвент уже при Термидоре. *À la Convention Nationale, la section du centre de Dijon, 10 et 20 Germinal, l'an III. Dijon, III. P. 4.*

² Любопытная оговорка Петиона-старшего: с даты принятия Конституции 93-го года до 27 июня 1794. Как будто после этого народ начал утверждать декреты. *Petion J. Op. cit. P. 22.*

³ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 20.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 83.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 110.

⁶ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 67.

футляре». Далее идет все тот же круг вопросов (например, о том, кто будет судить, нарушила ли власть права народа)¹.

Ленуар-Ларош был более радикален. Недовольные будут всегда, отмечал он, а этот ложный принцип уже был использован 31 мая², в Жерминале и Прериале. «Восстание – предостерегает памфлетист, – это лекарство столь жестокое, столь крайнее, столь грозящее потрясением всего социального порядка, что его не нужно ни предвидеть, ни предписывать»³.

В итоге термидорианцы фактически остановились на точке зрения Дюпона де Немура: «Когда каждый гражданин может мирным путем заставить выслушать свои жалобы, участвовать в постепенном улучшении управления, восстание – не самое святое право, а самое большое преступление, поскольку именно оно принесит больше всего бед обществу»⁴.

Существование этих и нескольких других статей, кажущихся неприменимыми, привело к тому, что современники начали ставить и более общий вопрос: а необходима ли в принципе на шестом году Революции Декларация прав человека и гражданина? Так, например, автор заметки, опубликованной в *Courier républicain*, однозначно полагал, что она «совершенно бесполезна», поскольку «невежды настаивали, что большинство включенных в нее идей следует понимать буквально», тогда как «интриганы смогли извлечь выгоду из ее непроверенных на опыте и необдуманных положений»⁵. Гарантии свободы, был уверен Лезей-Марнезия, должны быть доверены «не бессильным декларациям прав или хрупкой морали, а прочным институтам»⁶.

Почему с начала Революции предлагается уже третья декларация прав? – задает вопрос один из корреспондентов Комиссии. И сам же отвечает: потому, что метафизические идеи каждый выражает по-своему. Но тогда стоит ли вообще морочить людям

¹ *Lezay-Marnezia A. de*. Qu'est-ce que la constitution de 93? P. 9-10.

² Об этом же см.: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87.

³ *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 22 et suiv.

⁴ Dupont de Nemours P.S. Op. cit. P. 112.

⁵ *Courier républicain*. 9 messidor (27.06.95.). Vol. 9. N° 600. P. 462.

⁶ *Lezay-Marnezia A. de*. Qu'est-ce que la constitution de 93? P. 3.

голову¹? Постепенно в прессе эта мысль становится общим местом. О том, что метафизические идеи старых Деклараций прав не совсем были понятны большинству граждан пишет и *Courrier universel*². «Нужно иметь смелость сказать, – читаем в конце мессидора в *Bulletin républicain*, – что первая причина всех промахов и ошибок кроется в декларации прав»³.

В то же время Комиссия одиннадцати была уверена: Декларация прав необходима (если верить воспоминаниям Тибодо, то против были лишь Лесаж и Крезе-Латуш⁴). Однако, как показала дискуссия, далеко не все депутаты разделяли эту уверенность.

Еще до того, как в Конвенте началось обсуждение проекта новой конституции, Майль поставил перед Комиссией следующий вопрос: «Какова ваша цель составления декларации прав человека и гражданина? Будет ли эта декларация обязательной или же она будет представлять лишь блистательную череду философских абстракций?»⁵. Это выступление во многом было спровоцировано изначальным тезисом Буасси д'Англа о том, что «эта декларация – не закон, [...] она должна быть собранием всех принципов, на которых зиждется организация общества: это необходимая преамбула всякой свободной и справедливой конституции; это наставление для законодателей»⁶. Иными словами, по мысли создателей Конституции III года, Декларация не должна была быть законом прямого действия, однако она и не теряла своего значения, поскольку ей был обязан руководствоваться всякий член Законодательного корпуса. «Это не закон, а собрание максим, – отмечал Лувэ в своей газете *La Sentinelle*, – которые законодатель должен напоминать сам себе, прежде чем приняться за работу»⁷.

«Говорят, что Декларация прав – не закон, а изложение принципов, – полемизировал с членами Комиссии Майль. – Если

¹ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 35.

² *Courrier universel*. 21 messidor (9.07.95.). P. 2.

³ *Bulletin républicain*. 26 messidor (14.07.95). № 296. P. 1183.

⁴ *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 180.

⁵ *Moniteur*. № 289. P. 1164.

⁶ *Moniteur*. № 284. P. 1145.

⁷ *La Sentinelle*. 14 messidor (2.07.95.). № IX. P. 2.

это не закон, ее бесполезно и создавать, поскольку мы найдем все принципы, которые она содержит, в творениях наших философов; там они куда менее опасны, чем в начале конституции, крах которой они могут вызвать, тогда как писания наших мудрецов никогда еще не вызывали гражданских войн»¹. Обращаясь к опыту США, Майль напоминал, что «Декларация прав была для американского народа тем же, чем для архитектора является чисто теоретический чертеж. Когда здание закончено, чертеж исчезает; остается лишь его воплощение»².

Франция находилась в аналогичном положении в 1789 году. Именно тогда, как полагал выступавший вслед за Майлем Ж.М. Рузэ (*Rouzet*), Декларация прав и была необходима – в качестве антитезы тем основам, на которых покоился Старый порядок. Сейчас же Конвенту стоит сосредоточиться на выработке именно законов, а не благих пожеланий. «Пусть все наши законы будут основаны на самых лучших принципах, – провозглашал Рузэ, – но воздержимся же от того, чтобы придавать характер закона этим самым принципам». Главная задача депутатов, по его мнению, – это именно выработка законов, но поскольку «мы еще не до конца излечились от мании преамбул», то пусть какая-нибудь преамбула и будет, лишь бы она не претендовала на обязательное исполнение³.

Иными словами, по мнению Майля, поддержанному депутатом Ж.Ш. Байелем (*Bailleul*), необходимо определить «природу, предмет и действие» Декларации, заложить в нее некое «изначальное правило, основу правления»⁴. А пока этого нет, депутаты предлагали перейти к обсуждению самой конституции.

Таким образом, мнения разделились. Если одни настаивали на том, что не признавать Декларацию законом опасно⁵, то другие, как

¹ *Moniteur*. № 332. P. 1336.

² *Moniteur*. № 289. P. 1165.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*.

⁵ Ср. с высказыванием Т. Пейна: «Для существования республики необходимо, чтобы практическая часть конституции соответствовала ее принципам». *Paine Th. The Complete Writings of Thomas Paine*. N.Y., 1945. Vol. 1. P. 594.

Ларевельер-Лепо, выступали за конкретику, утверждая, что в отношении общих принципов всегда сложнее договориться, а страна как можно скорее нуждается в стабильности¹.

В итоге спор окончился ничем. В самом конце, уже 26 термидора (13 августа), депутат А.Ф. Арди (*Hardy*) решил было расставить все точки над «i», предложив отдельную статью, в которой говорилось бы: «Декларация прав и обязанностей – не закон; она должна рассматриваться только как база общественного договора». На что Дону немедленно ответил: «Вы все чувствуете, граждане, насколько опасно было бы объявлять, что декларация прав – не закон»². На сей раз возражений не последовало, статус Декларации так и остался неопределенным.

Что же касается необходимости этой, в некотором роде, абстрактной преамбулы, то и здесь Дону был категоричен: Конвенту не простят отказ от Декларации прав. Не возражая по существу, он призывал: «Не дадим террористам³ и недоброжелателям возможности сказать, что мы растоптали Хартию прав человека и гражданина»⁴. Конвент, как это нередко будет происходить в ходе дискуссии, прислушался к его мнению и перешел к обсуждению самого текста.

Первая статья Декларации 1795 года звучала в проекте следующим образом: «Целью общества является всеобщее благо. Правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование своими правами»⁵. Уже это стало своеобразной сенсацией, поскольку исчезала ст. 1 Декларации 1789 года: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»⁶. К тому же статья, которая теперь стала первой, в 1793 году устанавливала, что «правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами».

¹ Moniteur. № 292. P. 1176; № 333. P. 1339.

² Moniteur. № 333. P. 1339.

³ Так при Термидоре нередко называли якобинцев.

⁴ Moniteur. № 289. P. 1165.

⁵ Ibidem.

⁶ В 1793 году этот тезис формулировался следующим образом: «Все люди равны по природе и перед законом» (ст. 3).

Как видим, изменения касались не просто формулировок: ушло само понятие «естественных» прав, то есть прав человека, которые до сих пор очень четко отделялись от прав гражданина.

Однако на этом борьба с «философскими абстракциями» не закончилась, поскольку депутат Фор предложил прежде чем писать о том, что является целью общества, доказать, что для людей существует необходимость объединяться в общество; а П.Ж.Д. Буасьё (*Boissieu*) потребовал определить, что же такое «всеобщее благо». Ответ Ланжюине был весьма характерен: «За две тысячи лет можно насчитать 288 определений блага; вряд ли мы можем надеяться сегодня дать самое лучшее, так что давайте откажемся от этой статьи». Его предложение поддерживается депутатом Шенье: «Какова цель правительства, чье существование свидетельствует о наличии цивилизованного общества? Гарантировать права, которые каждый привнес с собой, входя в общество»¹.

В итоге первая статья приобрела следующий вид: «Правами человека в обществе являются свобода, равенство, безопасность, ответственность». Право на сопротивление угнетению, которое Дону назвал «представляющим слишком много опасностей и открывающим дорогу злоупотреблениям», было ликвидировано. Предложение Дебри записать в Декларацию право на труд, которое в XIX в. станет одним из главных требований демократов и социалистов, также сочувствия не вызвало: А.А.М. Тибо (*Thibault*) заметил, что оно должно быть, но не в Декларации, чтобы завтра у Конвента не пришли требовать хлеба, а Ланжюине закончил спор, предложив передать эту поправку в Комиссию одиннадцати, где она и была похоронена².

С другой стороны, Конвент решается не только убрать из Декларации упоминание об естественных правах, но и в принципе переориентировать ее только на признание прав человека в обществе. Декларация постепенно избавляется от абстракций, которые каждый мог толковать по-своему (а левые, как мы помним, нередко

¹ Moniteur. № 289. P. 1164-1165.

² Как отметил Ланжюине, «это не право человека, это, скорее, обязанность общества по отношению к каждому из своих членов». Moniteur. № 289. P. 1166.

толковали их в духе фактического равенства), приобретая недвусмысленные формулировки, касающиеся тех ценностей, которые общество действительно должно было гарантировать человеку. На первый взгляд, это знаменовало решительный разрыв с предшествующей революционной традицией.

Однако прежде чем делать какие-либо выводы, рассмотрим подробнее, что понимали термидорианцы под четырьмя ключевыми понятиями, на которых основывалась Декларация прав – «свободой», «равенством», «безопасностью» и «собственностью».

Начнем с понятия «свобода», которое трактуется в ст. 2 Декларации следующим образом: «Свобода состоит в возможности делать то, что не вредит правам другого». При сравнении с текстом 1789 года, становится заметно, что если первая часть его четвертой статьи воспроизведена практически дословно¹, то ее вторая часть в тексте 1795 года оказалась опущена – исчезла фраза: «Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же правами. Границы эти могут быть определены только законом». Для сравнения приведу и то, как эта статья звучала в Декларации 1793 года: «Свобода – это принадлежащая человеку возможность делать все, что не вредит правам другого; в основе ее лежит природа, ее правило – справедливость; обеспечение – закон; нравственную границу свободы определяет правило: “Не делай другому того, что не хочешь, чтобы он сделал тебе”» (ст. 6).

Иными словами, термидорианцы остановились на наиболее лаконичной формулировке, превратив свободу из права естественного в право социальное, регулирующее лишь взаимоотношения человека в обществе и не нуждающееся более в ссылке на природное происхождение.

Особое место термидорианцы отводили свободе печати. В первоначальном проекте Декларации даже была специальная статья (ст. 4): «Каждый человек свободен выражать свои мысли и свои мнения. Свобода печати и любого другого способа обнаружить

¹ По предложению депутата Ж.Ф. Эрмана (*Ehrmann*), добавлено лишь слово «правам». *Moniteur*. № 289. P. 1166.

свои мысли не может быть ни запрещена, ни приостановлена, ни ограничена»¹. Однако сразу же оказалось замечено противоречие с предыдущей статьёй, где свобода вообще все-таки оказывается ограничена. К тому же было не совсем ясно, почему «возможность действовать не во вред правам другого» не подразумевает печать.

Так может быть, специальная статья про свободу печати и вовсе не нужна? Нет, возражает Буасси, «это право столь существенно, столь драгоценно и столь священно, что можно не бояться сказать слишком много, чтобы его сохранить»². Там, где оно существует, полагают термидорианцы, народ воистину свободен, а ограничением должно быть лишь запрещение призывать к свержению властей (с сохранением возможности выступать против конкретных законов или злоупотреблений правительства). И, разумеется, надо дать возможность законодателям защитить граждан от клеветников и смутьянов³.

Был предложен и иной выход – сделать из двух статей одну и сформулировать ее следующим образом: «Свобода состоит в праве делать, говорить, печатать и обнародовать все, что не идет во вред правам другого». Но и этот вариант отклонили, поскольку он подразумевал создание некоего органа, выясняющего, что же именно «не идет во вред правам другого»; иначе говоря, цензуры⁴. В итоге было решено вовсе отказаться от этой статьи, поскольку депутаты решили, что данное ранее определение свободы и ее границ ничем не противоречит свободе печати.

Столь важное место, отводимое термидорианцами свободе печати, объясняется, с моей точки зрения, двояко. С одной стороны, поскольку в Конституции III года Республики отсутствовало положение об утверждении законов непосредственно народом, именно на печать и на общественное мнение возлагалась обязанность хотя бы в какой-то мере влиять на законодателей. С другой стороны, к 1795 году, пережив диктатуру монтаньяров, большинство депутатов

¹ Moniteur. № 289. P. 1166.

² Ibidem.

³ Moniteur. № 290. P. 1167.

⁴ Ibidem.

прекрасно представляло себе, что значит утратить возможность свободно высказывать свои мысли.

Количественный и лексический анализ выступлений депутатов Конвента, прозвучавших в ходе дискуссии по проекту Конституции, наводит на следующие размышления. Для термидорианцев свобода лежала в основе большинства (если не всех) иных прав человека – она коррелируется и с правами человека в целом, и с равенством, и с собственностью, и с правом высказывать свои мысли. Если раньше за нее принимали «распущенность», то теперь конституция должна основываться на «подлинной свободе»¹. Если же конституция будет отвергнута, уверены ее создатели, свобода будет уничтожена². Однако при этом прослеживается четкое понимание того, что у свободы должны быть определенные границы. «Вы хотите неограниченную свободу? – задавал риторический вопрос Ланжюине. – Ну что ж, вы получите вместе с ней анархию³, хаос и угнетение. Потребуется, чтобы она была ограничена правами другого? Вы получите социальный порядок, благотворное правление законов и истинную свободу»⁴.

Хочется также отметить, что в дискуссии ни один из ее участников не предлагал рассматривать свободу как естественное право. Напротив, ее залог в разумном государственном устройстве (мудрой конституции, разделении властей, их обновлении, республике в целом). В то же время ей угрожают деспотизм, партии, тирания, анархия, то есть, опять же, то, что угрожает и стабильности в обществе.

Из большого круга понятий, связанных у термидорианцев со свободой, видно, что с ней ассоциировалось все самое лучшее – и высшее благо, и равновесие властей, и независимость, и законность, и справедливость, и политический порядок. В то же время несовместимыми со свободой считали понятия, окрашенные отрицательно – неограниченную демократию, частые изменения в конституции, невежество и честолюбие.

¹ Moniteur. № 281. P. 1132.

² Moniteur. № 285. P. 1148.

³ В 1795 году под «анархией» чаще всего понималось не ее классическое, античное определение, а диктатура монтаньяров.

⁴ Moniteur. № 289. P. 1166.

Анализ других документов эпохи дает некоторые дополнительные нюансы. Так, например, в одном из проектов, присланных в Комиссию, требовали провозгласить не только свободу делать что-либо, но и свободу не делать – в пример приводился негр-раб, который должен иметь свободу не работать на своего хозяина¹. Не совсем обычное определение свободы давал в своих записях и Сийес: «Свободный человек – тот, кто повинуется лишь собственной воле. Если он повинуется общему закону, ему нужно помогать это делать»².

Следующее понятие, включенное в Декларацию, – это «равенство». Из анализа дебатов видно, в какой тесной связи находились для термидорианцев термины «равенство» и «свобода», «равенство» и «права человека». Многие выступления с трибуны Конвента были пронизаны мыслью о том, что равенство необходимо, но не абсолютное, «химера и иллюзия», а равенство прав, равенство гражданское и политическое, равенство перед законом³. Добавлю также, что существовала и настоятельная потребность точно определить, что же такое равенство. «Плохо объясненное равенство – краеугольный камень здания терроризма и анархии», – писал в Комиссию один из ее корреспондентов⁴.

Ст. 3 Декларации 1795 года трактовала равенство следующим образом: «Равенство состоит в том, что закон – един для всех, независимо от того, защищает он или карает. Равенство не допускает никаких различий в зависимости от рождения, никакой наследственной власти». Определение едва ли не более полное, чем было дано в

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 84.

² Таким образом, у Сийеса получается, что, повинувшись существующим в обществе законам, человек утрачивает свободу, однако общество заинтересовано в том, чтобы всячески такого человека поддерживать. A.N., 284 AP 5, d. 1. Doc. 2.

³ В сходном плане равенство рассматривают авторы многих памфлетов и проектов. См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 22; Ibid., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 64; Quelques pourquoi sur la nouvelle déclaration des droits de l'homme. S.l., s.d. P. 4; Catéchisme révolutionnaire... P. 14-16; Catéchisme de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Bruxelles, III. P. 18; Catéchisme des décades, ou Instruction sur les fêtes républicaines, établies par La Convention Nationale. Commercy, III.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 78.

1789 и 1793 годах. Чем же вызвана подобная тщательность? Во многом, как мне видится, опытом предыдущих лет Революции.

Томас Пейн, принимавший участие в дискуссии, писал: «Причина всех раздоров, которыми была охвачена Франция по мере продвижения Революции, не в принципе равных прав, а в нарушении этого принципа»¹. Не ставя под сомнение сам принцип, термидорианцы постарались определить его так, чтобы исключить возможность его различных толкований в духе тотального равенства. Как говорил Буасси д'Англа, «гражданское равенство – вот все, что человек разумный может требовать. Абсолютное равенство – химера; чтобы оно существовало, необходимо, чтобы существовало полное равенство в умственных способностях, добродетельности, физической силе, образовании, удачливости всех людей»².

Однако этого обоснования оказалось недостаточно, и был поднят следующий вопрос: почему уже привычное положение Декларации прав 1789 года о том, что «все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», все же отсутствует? Когда Ж. Дефермон (*Defermon des Chapelières*) затронул эту тему при первом чтении, Ланжюине, участвовавший еще в обсуждении первой Декларации прав человека, ответил ему довольно резко: «Мне кажется, что Декларация прав уже составлена, и нам не стоит себя развлекать, составляя вторую в соответствии с совершенно иной системой – иначе мы погрузимся в бесконечные дискуссии». После чего последовало весьма значимое дополнение: «Если бы я хотел входить в детали статьи, которую предлагает Дефермон, то я мог бы сказать, что она была придумана лишь для того, чтобы запретить дворянство. Это было последнее средство, которое у нас с Петионом оставалось³ и которое мы употребили, чтобы уничтожить эту

¹ *Paine Th.* Op. cit. Vol. 1. P. 585.

² *Moniteur.* № 282. P. 1136.

³ Ланжюине имеет в виду эпизод дискуссии вокруг принятия Декларации прав 1789 года, когда Ж.Ж. Мунье предложил сформулировать ст. 1 следующим образом: «Все люди рождаются свободными и равными в правах». Однако Ланжюине и Петион, считавшиеся в то время «левыми», настояли на добавлении слов «и остаются», мотивируя это тем, что

привилегированную касту; но с тех пор как она более не существует, мне кажется, что статья лишилась своего предмета»¹.

Иными словами, вновь звучит тот же мотив: то, что было полезно и актуально в 1789 году, совершенно необязательно повторять теперь, по прошествии шести лет Революции. Однако проблема не только в этом: по мнению термидорианцев, утверждение о том, что люди «рождаются и остаются» равными в правах, противоречит реальности. Как утверждал Майль, «люди рождаются равными, но они не остаются таковыми даже в естественном состоянии, поскольку ничто не гарантировано до учреждения общества; в этом состоянии нет иного права, кроме как права силы. И в общественном состоянии люди сохраняют полученное при рождении право на равенство не более чем в природном, поскольку, вырастая, они не приобретают равную долю силы, равную долю разума и других возможностей». Ведь и право гражданства, продолжал Майль, дается не всем людям².

Обсуждение проблемы равенства выводит нас на тот лейтмотив Термидора, который мы увидим и в ходе анализа дискуссии по иным вопросам: освященные Революцией идеи поверяются практикой и действительностью. «Если принять тот принцип, что люди рождаются свободными и равными в правах, – говорил в Конvente Ланжюине, – я хочу спросить всех творцов системы, что они будут делать с бешеными, сумасшедшими, женщинами, детьми и иностранцами»³. Отрицает ли это равенство? Отнюдь, поскольку, как напомнил депутат Ж.Ф. Гарран (*Garran-Coulon*), когда ограничения накладываются на всех без исключения, граждане по-прежнему остаются равны.

родиться-то можно свободным, а вот дальше жить в рабстве. См.: La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Présentée par Stéphane Rials. P., 1988. P. 222-223.

¹ Moniteur. № 290. P. 1169.

² Moniteur. № 332. P. 1337.

³ То есть со всеми категориями населения, которые не имели в то время избирательных прав. Moniteur. № 295. P. 1188. Отметим, что наброски, хранящиеся в фондах Комиссии, дают возможность увидеть, что в начале этот принцип все же был в проекте. A.N., C 232, d.183 bis * 15B. Doc. 27.

Показателен и финал дискуссии: Ланжюине подчеркнул возможность народного восстания в случае сохранения в Декларации этой статьи и предложил прекратить обсуждение, поскольку раз неамериканец не может претендовать на то, чтобы пользоваться правами, провозглашенными американской конституцией, значит уже не все люди на земле остаются равными в правах, а, следовательно, и вопрос исчерпан¹.

Любопытно посмотреть, что думали об этом некоторые современники за пределами Конвента. «Люди равны, слышим мы, – писал Лезей-Марнезиа. – Физически? Великан докажет вам, что он не равен карлику. Морально? Сократ будет отрицать, что он равен отцу Дюшену. Интеллектуально? Локк никогда не поверит, что он равен Ноэлю-Пуанту². В природе? Если бы это было так, то так бы и оставалось. Наконец, в обществе? Да, но и здесь, скажу я вам... Бесспорно, что в обществе те, кто вносит одинаковый вклад, имеют одинаковое право на государственную собственность и на доходы с нее, и в этом плане они равны между собой. Это очевидно, но будут ли им равны те, кто, не внося тот же вклад, захочет присоединиться к ним в пользовании правами? Не будет ли настоящей привилегией возможность получить оттуда, куда ничего не внес?»³. Эти люди «находятся в природном состоянии под защитой государства, никак не более того [...]; это иностранец, защищенный законом, но подчиняющийся законам той страны, где путешествует»³.

А вот мнение автора одного из присланных в Комиссию проектов новой Конституции, профессора истории Ж.М. Экеля: «Именно

¹ *Moniteur*. № 332. P. 1336-1337. Разумеется, Америка здесь была приведена лишь для примера, хотя и достаточно авторитетного. Имелось в виду, что в принципе граждане одной страны, находящиеся на территории другой, защищены там законом, но не пользуются при этом рядом прав (например, правом избирать органы власти).

² Пуант (*Pointe*) Ноэль (1755–1825), депутат Конвента от департамента Роны-и-Луары, монтаньяр. Чем именно он заслужил противопоставление с Локком мне, признаться, не совсем понятно.

³ *Lezay-Marnezia A. de*. Qu'est-ce que la constitution de 93? P. 35-36. Здесь очевиден отзвук дискуссии о том, кому следует предоставлять право гражданства и возможно ли при этом ввести имущественный ценз, не нарушая принципа равенства – об этом речь пойдет ниже.

во имя равенства разбойники стали хозяевами самой прекрасной империи мира, на много веков назад отбросили науку и искусство, развязали войну со своими же соотечественниками, посылали тысячами людей на эшафот, расстреливали и топили их. Именно этому губительному равенству мы обязаны всеми бедами, которые обрушились на Францию за последние пять лет»¹. «Никакой закон, – считает Лемуар-Ларош, – никакое человеческое могущество не могут сделать ни чтобы Анит² стал Сократом, ни чтобы глупец – гением». Вплоть до наших дней, продолжал он, легче «поместить Марата в Пантеон, чем приставить ему голову Ньютона или Монтескье»³. Об этом же говорится и во многих письмах, полученных Комиссией одиннадцати⁴.

В конце концов, депутаты решают не включать спорную статью в Декларацию; Термидор растает со стремлением к абсолютному равенству, сохраняя лишь равенство перед законом.

«Безопасность», стоявшая третьей в списке прав человека, особых дискуссий не вызвала. Депутаты согласились с предложенной Комиссией формулировкой, которая гласила: «Безопасность основывается на содействии всех в обеспечении прав каждого» (ст. 4).

Гораздо сложнее обстояло дело с «собственностью».

«Собственность – это право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своих умений (*industrie*)». Так эта статья была сформулирована в проекте, и именно так она вошла в итоговый текст Декларации (ст. 5).

В принципе, включение собственности в число прав человека не содержало в себе ничего нового. Еще в первой Декларации прав она

¹ *Hékel J.M. Nécessité des loix organiques, ou La constitution de 1793, convaincu de Jacobinisme. Paris, III. P. 3-4.* Здесь уже очевидно влияние воспоминаний о правлении монтаньяров.

² Греческий политический деятель V-IV вв. до н.э., один из обвинителей Сократа.

³ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 93.*

⁴ См., например: А.Н., С 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 26. P. 28; *Ibid.*, d.183 * bis 3/3. Doc. 104; *Ibid.*, С 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 20; *Ibid.*, d.183 bis * 5/3. Doc. 89.

называлась правом «неприкосновенным и священным» (ст. 17). Декларация 1793 года также включала собственность в число «естественных и неотъемлемых прав» (ст. 2), а ее 16 статья легла в основу только что процитированной статьи 1795 года. Об этом же писал впоследствии и депутат Бодо: «Национальный конвент всегда рассматривал собственность как основополагающую часть социального строя, и я никогда не слышал, чтобы хотя бы один член этой Ассамблеи произнес или сделал предложение, противное этому великому принципу»¹.

Однако хотя трактовка собственности в Декларации и устраивала термидорианцев, настоящие споры разгорелись позднее, когда речь зашла о проблемах имущественного ценза. Ниже я остановлюсь на этом подробнее.

В то же время, кроме прав, в Декларацию впервые с начала Революции были включены и обязанности, суть которых наиболее четко сформулирована в двух изначальных принципах: «Не делайте другому того, что вы не хотите, чтобы сделали вам. Постоянно делайте другим то доброе, что вы бы хотели получить сами» (ст. 2).

При этом сама идея также не была нова или оригинальна: аналогичные предложения уже высказывались в 1789 году – например, аббатом Грегуаром. «Вам предлагают начать конституцию с Декларации прав человека и гражданина, – говорил он с трибуны Учредительного собрания утром знаменитого 4 августа. – Подобное творение достойно вас, однако оно будет несовершенно, если не дополнить его обязанностями. Права и обязанности взаимосвязаны, они соотносятся друг с другом, и нельзя говорить об одних, не говоря о других»². В 1793 году с аналогичным предложением выступил депутат Конвента Н. Раффрон (*Raffron*), предложив составить «катехизис республиканских обязанностей»³. Однако оба эти предложения были отклонены.

Теперь же Конвент принимает решение дополнить Декларацию прав списком обязанностей после единичного выступления депутата

¹ *Baudot M.A.* Op. cit. P. 93

² Цит. по: *La déclaration des droits de l'homme et du citoyen.* P. 163.

³ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 517.

Фора 11 мессидора (29 июня)¹. Видимо, опыт последних лет убедил законодателей, что прав без обязанностей не существует. Ведь как писал Т. Пейн в том же 1795 году, «когда мы говорим о правах, мы должны всегда объединять их с идеей об обязанностях: права становятся обязанностями. Право, которым я пользуюсь, оборачивается моей обязанностью гарантировать его другому, а его – мне...»². Много предложений дополнить права обязанностями было и в различных проектах³.

Таким образом, депутаты рассматривали Декларацию обязанностей как зеркальное отражение и необходимое дополнение к Декларации прав. Оба текста теснейшим образом связаны; как говорил Крезе-Латуш, «в Декларации прав вы закрепили политические максимы, служащие предписанием для законодателей; вы должны в то же время закрепить в декларации обязанностей моральные максимы, которые должны служить правилом для граждан»⁴. Подобное понимание взаимозависимости этих двух текстов в полной мере отражено в ст. 1 Декларации обязанностей.

Анализируя Декларацию прав и обязанностей 1795 года, нельзя не обратить внимание еще на одно изменение: не только «естественные права» превратились в «права человека в обществе» (ст. 1), но и суверенитет, который в 1789 году принадлежал Нации (ст. 3), а в 1793 году – народу (ст. 25), стал теперь принадлежать гражданам (ст. 17). Очевидно, подобные перемены не случайны. Посмотрим же, кого новая конституция причисляла к гражданам.

Первый вопрос, который встал перед законодателями: каждый ли житель страны является гражданином? Проект, предложенный Комиссией, исходил из того, что за исключением возраста в 21 год и

¹ Хотя Тибодо в своих мемуарах и отмечает, что большинство членов Комиссии были за Декларацию обязанностей (*Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 180*), в проекте, предложенном Комиссией Конвенту, она не фигурирует.

² *Paine Th. Op. cit. Vol. 1. P. 579-580.*

³ См., например: А.Н., С 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 86; Ibid., d.183 bis * 5/2. Doc. 70; Ibid., С 232, d.183 bis * 12. Doc. 35; *Dupont de Nemours P.S. Op. cit. P. 8; Delaplanche. Plan d'organisation applicable à la Constitution qui convient le mieux à la République Française. P., III. P. 101-103; Quelques pourquoi sur la nouvelle déclaration des droits de l'homme. S.l., s.d. P. 6.*

⁴ *Moniteur. N° 333. P. 1339.*

годового проживания на территории республики, необходимо еще и быть налогоплательщиком¹. Поскольку поначалу введение института выборщиков не планировалось, для депутатов предусматривался более серьезный имущественный ценз² (который в результате дискуссии оказался переложеным на выборщиков³).

И именно имущественный ценз стал основным камнем преткновения при обсуждении вопросов гражданства и выборов в законодательный корпус. Самым резким выступлением в этой дискуссии была, несомненно, речь Томаса Пейна, произнесенная 19 мессидора (7 июля). Решительно выступив против ценза, Пейн обвинил депутатов в том, что они пытаются изменить саму основу Революции: «от принципов к собственности». Если гражданами будут называться не все, «какое же имя получит оставшаяся часть народа?» – вопрошал он и подчеркивал, что подобный ценз противоречит трем первым статьям Декларации: устанавливающей в качестве цели общества всеобщее благо⁴, провозглашающей равенство и определяющей свободу.

Его выступление вызвало столь резкое противодействие, что даже опубликовать речь решили лишь потому, что каждый депутат имел право печатать собственное мнение о проекте конституции⁵. Однако по существу дела возражений приведено не было, Мерлен из

¹ Тибодо отмечает, что в Комиссии за это выступали Лесаж и Ланжюине. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 182.

² С. Абердам вполне резонно замечает, что говорить «цензитарные выборы» применительно к Революции не совсем разумно – система тогда не была еще ни достаточно жесткой, ни базирующейся реально на каком-то определенном состоянии. Он предлагает термин «*suffrage restreint*», «ограниченное избирательное право», который я охотно принимаю, несмотря на его некоторую громоздкость при переводе на русский язык. *Aberdam S. L'élargissement du droit de vote entre 1792 et 1795...* P. 46.

³ Интересный парадокс: с одной стороны, декларировалось, что поскольку имущественный ценз вводится для выборщиков, то для депутатов он необязателен – их можно избирать и по талантам. С другой, как обмолвился Крезе-Латуш, «я признаю, что большая часть законодателей выйдет из выборщиков». *Moniteur*. № 309. P. 1244.

⁴ На тот момент от нее еще не отказались.

⁵ *Moniteur*. № 292. P. 1177. Более подробно о точке зрения Пейна см. уже упомянутую диссертацию Я. Боска «*Le conflit des libertés. Thomas Paine et le débat sur la Déclaration et la Constitution de l'an III*».

Дуэ лишь с горячностью отметил, что отнюдь не только собственник может быть гражданином, а любой, платящий налоги, и выразил уверенность, что депутаты не захотят вручить судьбу государства «людям, которые ничего из себя не представляют и ничего не проиодят»¹. Вторя ему, Ланжюине напомнил, что Франция уже была под управлением людей «в сорок су», а Буасси даже предложил высказываться только против ценза: «Бессмысленно доказывать то, что все и так прекрасно понимают». Байель добавил, что человек может и начать платить налог, если захочет стать гражданином, подчеркнув при этом: «Мы отнюдь не хотим исключить ни почтенного отца семейства, ни трудолюбивого ремесленника, ни уважаемого рабочего»².

Идея Комиссии, сформулированная Дону (которого поддержали Крезе-Латуш и Ланжюине), заключалась в том, что каждый гражданин должен принимать какое-либо посильное участие в делах общества, платить какой-либо налог: «Мы не делили граждан на классы, никому не закрывали двери в первичные собрания», нет никаких ограничений, в каком виде вносить этот вклад (тогда как в Конституции 1791 года это было четко установлено). Однако Дюбуа-Крансе предложил иной вариант: установить небольшой личный налог, который будет давать право быть гражданином. К тому же можно было бы предписать вносить его не менее, чем за год до выборов, что позволило бы избежать подкупа в последний момент.

Это предложение вызвало новую бурю споров. С одной стороны, многие высказывались за подобный налог, говоря, что каждый, кто не хочет платить столь мизерную сумму, демонстративно показывает, что ему нет дела до общества. Более того, этот специальный налог, равный для всех, позволил бы нивелировать разницу между богатыми и бедными, чтобы у первых не возникало мыслей о том, что, раз их отчисления государству более значительны, они имеют и больше прав³ (лишь Ж.Б. Жиро-Пузол (*Girot-Pouzol*) высказался

¹ Moniteur. № 295. P. 1188.

² Moniteur. № 295. P. 1188-1189.

³ В этом плане отметим выступление депутата П.М.А. Гийомара (*Guymor*), требовавшего гарантий не только против тех, кто может поддаться коррупции, но и против тех, кто может пытаться подкупить бедняков; он

более откровенно, заявив, что он не хотел бы видеть в первичных собраниях тех, кто был виной всех наших бед в течение Революции)¹. Однако Дону возразил, что не стоит заставлять платить еще один налог: это может только отвратить от участия в общественных делах и быть обременительным, к тому же сильно напоминает покупку билета на спектакль, с той лишь разницей, что билет в театр не надо приобретать за год. А Ларевельер-Лепо резонно добавил, что в этом случае глава бедной семьи, до того плативший один налог, был бы вынужден платить несколько.

Соображение показалось депутатам обоснованным. Особенно после того как Дюбуа-Крансе напомнил, что гражданство нельзя купить, заплатив налог, поскольку оно заложено в Природе, а Дону возразил ему, что оно настолько не заложено в Природе, что приобретается только благодаря договору, то есть когда человек переходит из природного в общественное состояние². Поспорив о том, заработку за сколько рабочих дней должен равняться этот налог – за один или за три³ – остановились на последнем.

Стоит отметить, что выступление Пейна возымело обратное действие на законодателей. Вместо того, чтобы убрать имущественный ценз и привести проект в соответствии с Декларацией, было решено вычеркнуть первую статью Декларации – ту самую, которая провозглашала, что люди рождаются и остаются равными в правах.

В то же время сама проблема собственности была, несомненно, шире этой конкретики; здесь столкнулись две противоположные концепции представлений о функционировании общества. Как отмечал Я. Боск, «если принять в качестве цели общества гарантирование права собственности, то логично отдать его под управление собственников и признать за собственностью моральное

предлагал, чтобы гражданин, имеющий более 30 тысяч ливров ренты, не мог быть выборщиком. Правда, другого ответа, кроме восклицаний: «О! Какой абсурд!» он не получил. *Moniteur*. № 309. P. 1244.

¹ *Moniteur*. № 297. P. 1197-1198.

² Спор, без сомнения, более чем показательный, однако не рискну сделать вывод, можно ли здесь увидеть столкновение демократической и либеральной традиций, или это были разногласия, основанные на конкретных личных убеждениях.

³ *Moniteur*. № 298. P. 1199-1200.

превосходство; если же напротив считать, что общество должно гарантировать право на существование, то быть собственником – уже не показатель добродетельности, и отправление права собственности не должно давать никаких особых преимуществ при управлении обществом»¹.

Дискуссии на эту тему с большей или меньшей интенсивностью идут до сего дня. Отечественная историография традиционно выделяла Конституцию III года из общего ряда, упрекая термидорианцев в том, что они хотели «обеспечить привилегии богатства и собственности»², «безраздельное господство собственников»³ – и это несмотря на то, что о якобинской конституции А.В. Гордон еще 30 лет назад написал, что ее «краеугольным камнем было право собственности»⁴. Очевидно, что здесь советские историки следовали курсом, проложенном еще «первыми коммунистами», в частности, Буонарроти. «Достаточно самого поверхностного рассмотрения, – писал он, – чтобы убедиться, что принцип сохранения богатства и нищеты являлся основой для всех частей этого здания»⁵.

Западная историография, за исключением «якобинской», в основном более умерена и фактически солидаризируется с приведенной выше точкой зрения Бодо. «Не думаем, – писал М. Ренар, – что упоминание этого права характеризует термидорианскую реакцию»: оно упоминается почти в том же контексте, что и в Конституции 1793 года, к тому же собственность не была объявлена священной и нерушимой, как в 1789 году⁶.

И это действительно так – к 1795 году признание исключительной роли собственников в управлении страной стало среди термидорианской политической элиты настолько общим местом⁷, что было

¹ Bosc Y., Wahnich S. Les voix de la Révolution. P., 1990. P. 297

² Ревуненков В.Г. Очерки по истории... С. 429.

³ История Франции. Т. 2. С. 83.

⁴ Гордон А.В. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г. // ФЕ. 1972. М., 1974. С. 155.

⁵ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 123.

⁶ Reinhard M. Op. cit. Vol. 1. P. 68.

⁷ Ни в одном из писем или проектов, присланных в Комиссию одиннадцати, это не оспаривается.

бы удивительно, если бы составители проекта Конституции этого не учли. Приведу лишь несколько высказываний современников.

Фрерон: «Собственность – единственный фундамент и единственная гарантия хорошего правления. [...] Собственность – основа общества»¹. Лезей-Марнезия: «Только собственник имеет право распоряжаться своей собственностью, и только собственники имеют право управлять страной»². Дюпон де Немур: «Очевидно, что собственники, без согласия которых никто в стране не может ни жить, ни есть, – в высшей степени граждане. Они – суверены милостью Божьей, милостью природы, их работы и успехов их предков»³.

За пределами Конвента проблема собственности также оживленно обсуждалась. Не углубляясь в подробности, упомяну лишь, что многие авторы приходивших в Комиссию писем предусматривали для граждан реальный имущественный ценз, а не только уплату налога⁴. В то же время, естественно, были корреспонденты, настаивавшие на том, чтобы гражданство предоставлялось всем. Однако практически всегда после этого предлагалось разделять право избирать и быть избранным, вводя ценз либо для выборщиков, либо для депутатов⁵.

Разумеется, нельзя сказать, что по данным вопросам в обществе существовал консенсус. Если правом голоса обладает тот, кто платит 10 ливров, писал один из корреспондентов Комиссии, то у того, кто платит 20, должно быть 2 голоса, а 1000 ливров – 100 голосов⁶. И эта точка зрения также была обоснована, ведь, как говорилось в одном из памфлетов той эпохи, «природа, без сомнения, не в большей мере создала собственников, чем дворян»⁷. Однако на решение Конвента это не повлияло.

¹ Цит по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 417-418.

² *Ibid.* Vol. 2. № 16. 19.IX.95. P. 503.

³ Цит по: *Aulard A.* La Constitution de l'an III... P. 123. Этот ряд высказываний можно еще продолжать и продолжать.

⁴ См., например: A.N., С 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 12.

⁵ См., например: A.N., С 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 84.

⁶ A.N., С 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114.

⁷ *Observations sur le droit de cité, et sur quelques parties du travail de la commission des onze.* P., an III. P. 1

Собственность казалась термидорианцам одной из немногих основ для устойчивости, стабильности режима. С одной стороны, люди не бедные, как правило, являлись противниками дальнейшего перераспределения имущества, а значит, и противниками продолжения Революции. С другой, – собственники поддержат только то правительство, которое даст им гарантии от подобного перераспределения. Они не пойдут ни за монтаньярами с их эгалитарными тенденциями, ни за ультрароялистами – из опасения возвращения эмигрантов.

Буасси д'Англа счел необходимым подчеркнуть, что «бедность неимущих имеет такое же право на защиту, как и изобилие богатых; произведенное ремесленником, как и урожай земледельца». Однако, пояснял он, «мы считали, что каждый гражданин должен [...] быть свободным и независимым; в то время как те, кто является прислугой, не кажутся нам ни первыми, не вторыми»¹. Без сомнения, часто цитируемая фраза: «нами должны управлять лучшие» (под которыми понимались люди, обладающие собственностью) действительно была им произнесена, однако он тут же мотивировал свое мнение: «Лучшие более образованы и более заинтересованы в поддержании законов; итак, за малыми исключениями, вы найдете достойных людей лишь среди тех, кто, обладая собственностью, привязан к стране, в которой живет, к законам, которые его защищают»². И вопрос о том, как же те, у кого ничего нет, смогут правильно устанавливать налоги, также имел под собой почву: страна уже пережила и экономические эксперименты монтаньяров, и экспроприации, и максимум³.

В плане защиты собственности характерно, что, помимо включенного в Декларацию положения о том, что никто не может ни

¹ *Moniteur*. № 282. P. 1137.

² *Moniteur*. № 282. P.1136.

³ В то же время нельзя не обратить внимание и на мысль Ф. Брюнель: хотя имущественный ценз в 1795 году и был значительно меньше, нежели в 1791 году, при Директории не платившие налог выводились за рамки граждан, тогда как по Конституции 1791 года они оставались гражданами, пусть и пассивными. *Brunel F. Sur l'historiographie de la réaction thermidorienne...* P. 471.

продавать себя, ни быть проданным (ст. 15), было предложено добавить и еще одну статью, почти дословно взятую из текстов 1789 и 1793 годов: «Никто не может быть лишен своей собственности без его согласия, кроме случаев, когда этого требует законным образом установленная общественная необходимость, и лишь при условии справедливого возмещения». При этом депутаты сразу же обратили внимание на исчезновение из проекта уточнения о том, что это возмещение обязательно должно быть предварительным. И только благодаря выступлению депутата Гаррана, напомнившего, что государство иногда вынуждено действовать без промедления, проект решили не менять¹.

Помимо этого, в 1795 году должен был решиться главный вопрос, волновавший крестьян и покупателей национальных имуществ: сохранят они свои земельные приобретения или будут и далее подвержены всем превратностям судьбы? Кроме цензовых гарантий, для этих слоев населения важен был и еще один аспект проблемы – эмигранты. И хотя генерал Дюмурье выступал против того, чтобы гарантировать всем их имущества независимо от того, как они были приобретены², а граф д'Аллонвиль писал, что статья 373 новой Конституции³ шокировала общественное мнение, которое должна была сделать единым, и что депутаты поступают недальновидно, используя принцип «собственники», а не «собственность»⁴, Конвент постановил: эмигрантам возврата нет. Собственники (в первую очередь, естественно, владельцы национальных имуществ) могли не волноваться.

В то же время имущественный ценз был отнюдь не единственным цензом, который пришлось обсуждать депутатам Конвента,

¹ *Moniteur*. № 290. P. 1169.

² *Dumouriez Ch.F.* De la République. Suit de coup d'œil politique sur l'avenir de France. Hambourg, 1795. P. 71.

³ «Французская нация провозглашает, что ни в коем случае она не потерпит возвращения французов, покинувших родину после 15 июля 1789 года [...] и запрещает Законодательному корпусу принятие новых исключений по этому вопросу. Имущество эмигрантов безвозвратно переходит в доход Республики».

⁴ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 4. P. 37.

поскольку для получения гражданства предполагалось введение еще четырех цензов: оседлости, возрастного, профессионального и образовательного.

Предлагая ввести ценз оседлости, депутаты опасались двух вещей: того, что в противном случае иностранцам будет слишком легко получить французское гражданство (при этом опасение, что английское правительство может быстро заселить Францию своими людьми, высказывалось абсолютно всерьез¹), и того, что некие интриганы, наподобие людей Робеспьера или богачей, смогут слишком легко влиять на результаты выборов в коммунах, если не поставить на их пути необходимые преграды².

Боязнь вмешательства иностранцев предопределила еще одну короткую дискуссию – по поводу лишения гражданства в случае тесной связи с иностранными правительствами (получения гражданства другой страны, должностей, пенсий и т.д.). И здесь в ответ на мысль, что едва ли стоит добровольно лишаться ученых и писателей, новых Платонов, исход дебатов предопределила реплика Ланжюине: «Пусть эта статья вынудит нас потерять одного Платона, зато от скольких интриганов она нас избавит», – и Конвент вотировал вариант, предложенный Комиссией³. Отмечу попутно, что в весьма настороженном отношении к иностранцам Ассамблея в то время была не одинока⁴. Против слишком легкого предоставления им гражданства высказывались и в памфлетах⁵, и в письмах, адресованных Комиссии одиннадцати⁶.

¹ *Moniteur*. № 298. P. 1202.

² *Moniteur*. № 301. P. 1213.

³ *Moniteur*. № 298. P. 1202.

⁴ Несомненно, это вписывается и в более широкий контекст изменения отношения к иностранцам в ходе Революции: если в августе 1792 года целому ряду знаменитых иностранцев торжественно предоставлялось французское гражданство, то уже в декабре 1793 года двое из них, Клоотс и Пейн, оказываются арестованы. «Пробуждение национализма, – отмечает Матъез, – с каждым днем проявляло себя все больше и больше». *Mathiez A. La Révolution et les étrangers. Cosmopolitisme & défense nationale*. P., 1918. P. 177.

⁵ *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 28-29.

⁶ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87, 109, 110.

Возрастной ценз вызвал меньше споров, хотя по присланным в Комиссию проектам видно, что его понижение между 1791 и 1793 годами с 25 лет (для активных граждан) до 21 года еще не успело укорениться в массовом сознании¹: большинство авторов увеличивали возраст для получения гражданства до 25 или даже 30 лет². Однако Конвент оставил это положение Конституции 1793 года неизменным.

Кроме того, чтобы стать гражданином, человек обязан был иметь профессию: здесь законодатели полагали, что они в праве и в силах не только позаботиться о благе человека, но и заставить его быть счастливым³ (явный отзвук идей Руссо). Были, конечно, и опасения, что тогда две трети населения лишатся права гражданства⁴, но в ответ предлагалось не вводить этот ценз немедленно. «Человек рождается гражданином не более чем художником или воином, – писал один из корреспондентов Комиссии одиннадцати. – Для того, чтобы быть подданным короля или рабом деспота, достаточно рук и ног, но в республике необходимо владеть полезными Родине профессиями. Равенство отнюдь не нарушается, поскольку все могут их приобрести»⁵.

И последнее – образовательный ценз. Его введение также находилось в русле идей просветителей. «Просветители положили начало революции, – отмечал Б. Бачко, – просветителями она и должна быть окончена»⁶. Кроме того, эта идея вставала в один ряд с мероприятиями, целью которых было предотвратить возврат к

¹ Во время пребывания во Франции, мне случилось увидеть отпечатанный в провинции декрет Конвента, где возрастной ценз – по случайной или намеренной ошибке – по-прежнему указывался в 25 лет.

² См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 25.

³ Moniteur. № 298. P. 1202.

⁴ И среди корреспондентов Комиссии профессиональный ценз поддерживали не все. Эта идея Руссо, возможно, была бы хороша для небольших стран, – писал, например, один из них, – но едва ли она подходит для Франции «Я подозреваю, – добавлял тот же автор, – что это какой-нибудь друг абсолютного равенства» включил в конституцию данное условие. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 35.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 106.

⁶ *Baczko B. Thermidoriens.* P. 437.

прошлому. В ходе дискуссии Дону подчеркивал: мы уже пережили господство людей, которые не умели ни читать, ни писать¹. При этом получение образования² – в пример ставятся Руссо и Франклин – можно прекрасно совмещать с обучением профессиям.

Еще один аспект введения образовательного ценза – его тесная связь с идеями равенства³. Залог гражданского равенства – независимость людей друг от друга, а образование как раз и дает подобную независимость⁴. Тот, кто не умеет ни читать, ни писать, считали депутаты, не может быть независимым⁵. Если человек не способен научиться грамоте, то он и не должен быть гражданином: ведь он даже не сумеет прочитать, за кого голосует⁶; не сможет быть в курсе событий и окажется не в силах составить о них самостоятельное мнение⁷.

Следует сказать, что термидорианский Конвент не только настаивал на том, чтобы граждане обладали хотя бы минимальным образованием, но и прикладывал немало усилий для развития наук и искусств⁸. За короткое время учреждаются Политехническая школа (сентябрь 1794), Эколь нормаль (октябрь 1794), принимается закон, посвященный новой организации начального образования (ноябрь 1794), совершается переход на метрическую систему мер и весов (апрель 1795), создаются Бюро долготы – научное общество математиков и астрономов (июнь 1795), консерватория в Париже (август 1795), Музей французской скульптуры (октябрь 1795). И, наконец, 25 октября 1795 года основывается Институт – новая

¹ Скорее всего, Дону имеет в виду, в первую очередь, власти на местах, поскольку ему было хорошо известно, что членов монтаньярского Комитета общественного спасения едва ли можно было упрекнуть в необразованности.

² В воспоминаниях Тибодо отмечается, что за введение образовательного ценза внутри Комиссии выступал Боден. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 182.

³ Как говорил с трибуны Конвента Ж. Лаканаль (*Lakanal*): «Школа заменила террор как инструмент равенства». Цит. по: *Ozouf M. Egalité // DCRF*. P. 709.

⁴ *Moniteur*. № 299. P. 1203-1204.

⁵ *Moniteur*. № 282. P. 1137.

⁶ *Moniteur*. № 299. P. 1205.

⁷ *Moniteur*. № 301. P. 1212.

⁸ Подробнее см.: *Бачко Б.* Культурный поворот III года Республики.

Академия наук. В Эколь нормаль в то время преподавали Г. Монж, К.Л. Бертолле, Ж.Л. Лагранж, К.Ф. Вольней, Ж.А. Бернарден де Сен-Пьер и П.С. Лаплас, – весь цвет французской науки. При Национальной библиотеке было организовано изучение восточных языков¹.

В итоге само введение профессионального и образовательного ценза больших возражений среди депутатов не вызвало. Однако, вопреки проекту, Конвент постановил, что соответствующие статьи Конституции вступят в силу не с IX, а с XII года Республики².

С дискуссией о праве гражданства и обсуждением цензовых вопросов тесно связана и еще одна проблема: должны ли выборы производиться напрямую или же стоит ввести специальный институт выборщиков, прекрасно известный еще по Конституции 1791 года.

Интересны аргументы, которые приводились в пользу института выборщиков в памфлетах и переписке Комиссии. Крестьянин хорошо знает только тех, кто окружает его – нотариус, кюре, мэр деревушки уже кажутся ему большими людьми, особенно, если они еще и богаты, писал Бодуэн (*Baudouin*) в своем проекте, озаглавленном «Несколько идей о Пересмотре конституционного акта». «Таким образом, Законодательный корпус будет переполнен невежественными крестьянами, которых легко смогут ввести в заблуждение внутренние факции и иностранные интриги»³. Ссылались даже на опыт армии, где существовали трехступенчатые выборы капралов, сержантов и офицеров⁴.

¹ *Miquel P.* Op. cit. P. 542; *Vaczko B.* *Vandalisme* // DCRF. P. 905; *Чудинов А.В.* Ученые и Французская революция // Наука и человечество. 1991. М., 1991. С. 39.

² *Moniteur.* № 301. P. 1213. Отметим, что и в переписке Комиссии подобные цензовые ограничения предусматривались (см., например: А.Н., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 106). В то же время одно из самых существенных цензовых предложений – необходимость для гражданина иметь семью, принято не было. Хотя, как писал один корреспондент о холостяках: «Они ни к чему не стремятся, кроме своих страстей, они всегда готовы всем пожертвовать, даже отечеством». А.Н., С 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 53.

³ А.Н., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87. Ср. у Дюпона де Немура: «Никто не может хорошо судить о том, чего не знает, а жители деревень знают лишь своих соседей». *Dupont de Nemours P.S.* Op. cit. P. 23.

⁴ А.Н., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87.

Однако Боден, выступая от имени Комиссии, предложил обойтись без выборщиков: больше шансов, что депутатами станут достойные, поскольку «опыт прошедших лет однозначно напоминает, что в основном только выборщики и бывали избранными». К тому же это давало бы возможность не собирать первичные собрания в какое-то жестко установленное время. Каждый приходил бы и голосовал, когда ему удобно, что заодно резко уменьшило бы шансы на то, что эти собрания объявят себя постоянными или попытаются обсуждать какие-либо посторонние проблемы¹. Он был поддержан рядом депутатов, исходивших и из других соображений (например, считавших, что свести право гражданства к праву назначать выборщика – означает практически его лишить).

Однако в конце концов институт выборщиков все же появился в Конституции, поскольку, с точки зрения многих законодателей, разрозненным первичным собраниям было бы даже чисто технически трудно договориться о единых кандидатах. Помимо этого, появлялась возможность ввести на уровне выборщиков имущественный ценз, освободив от него будущих депутатов.

Отметим в связи с этим, что во время дискуссии в Конвенте не был решен один вопрос, казавшийся на местах более чем принципиальным: как именно следует проводить выборы, в какое количество туров, относительным или абсолютным большинством. Он всплыл только 27 термидора (14 августа), уже при втором чтении. Тогда на предложение записать в Конституцию, что выборы должны производиться абсолютным большинством, Дону ответил, что Комиссия долго размышляла над этим кругом проблем и сочла, что наилучшее их решение содержится в проекте Кондорсе; впрочем, оно слишком сложно, чтобы можно было его рекомендовать. Что же касается абсолютного большинства, то в первом туре оно практически невозможно, а во втором большинство уже не является абсолютным, так как во второй тур проходят не все кандидаты².

Попробуем подвести некоторый итог. Историки спорят, нарушала ли эта Конституция права человека (при этом, разумеется, все

¹ Moniteur. № 302. P. 1216-1217.

² Moniteur. № 333. P. 1340.

зависит от того, что понимает тот или иной автор под этими правами). Естественные права, права человека в обществе – ни среди просветителей, ни, позднее, среди революционеров не было полного согласия, не существовало единого, признаваемого всеми «списка» таких прав.

Может быть, следует сказать по-другому: среди термидорианской политической элиты существовал известный консенсус по поводу необходимости четкого обозначения (а порой и ограничения) тех прав, которые провозглашались в предыдущих декларациях и конституциях. Одним из базовых аргументов здесь являлся прагматизм. При том состоянии экономики, в котором находилась Франция после Термидора, едва ли было возможно записать в конституции право на труд. Не менее странным и опасным казалось депутатам декларирование того, что все люди не только рождаются, но и остаются равными, а также провозглашение ничем не ограниченного права на восстание: термидорианцы пытались строить правовое государство¹, в котором все спорные вопросы, все противоречия между народом и его представителями должны были решаться парламентским путем, прежде всего через ежегодные выборы. Для постоянной корректировки деятельности законодателей непосредственно в ходе сессий предусматривалась широкая свобода печати.

Анализ Декларации прав дает возможность обозначить первые подходы, позволяющие принять участие в историографической дискуссии, речь о которой более подробно шла ранее: чем же была Конституция III года? Возвратом в 1789? Разрывом с 1789?

Напомню, часть историков полагает, что в 1795 году очевидно имеет место возврат к проблематике 1789 года (разумеется, с теми модификациями, которые были привнесены накопленным опытом). В новой Декларации, уверен Ф. Фюре, «мы находим верховенство

¹ Разумеется, эти оценочные моменты, как и любые другие, весьма спорны. Вполне можно считать, что все разговоры о свободе и правах человека были для термидорианцев не более чем демагогией; что они пытались строить не правовое, а удобное для них государство; что прямые выборы и отсутствие имущественного ценза были бы куда более демократичны и т.д.

закона, выражение всеобщей воли как гарантии прав. Равенство, как всегда, в числе прав человека, вместе со свободой, безопасностью, собственностью, но оно вновь обретает свой статус 1789 года, определенный одними и теми же правами каждого гражданина перед лицом закона». Вновь был рассмотрен и вопрос о народном суверенитете, поскольку «депутаты отныне знали, что власть более подавляющая, чем бывшая монархия, может править от его имени»¹.

Сходную точку зрения защищает и Д. Воронов. Он пишет: «Если Конституция 1793 года могла быть определена с точки зрения ее демократических и эгалитарных устремлений, новые институты базировались на двух принципах: собственность и свобода. Тем самым термидорианцы вновь обрели связь с Конституцией 1791 года, иными словами, с доминирующей идеологией века. Вне всякого сомнения, равенство было обеспечено, но заключено в границы равенства гражданского»².

И в самом деле, если посмотреть дебаты 1789 года вокруг принятия Декларации прав, можно в изобилии увидеть те же тезисы, из которых исходили термидорианцы: и о верховенстве закона, и об опасностях, которые может таить Декларация для народа непросвещенного, и о необходимости дополнить ее обязанностями, и о том, что «первое право человека – это собственность и личная свобода», и многие, многие другие³.

Принципиально противоположные взгляды защищают сторонники иного исторического направления. «Буасси д'Англа и термидорианский Конвент, который проголосовал за Декларацию и Конституцию III года, старались не вернуться в 1789 год, а напротив, избежать этого возвращения, – утверждает Я. Боск. – Нужно повторить, что общее место в историографии, полагающей, будто Декларация III года воспроизводила в основных чертах текст 1789 года, – это ошибка. Напротив, именно потому, что она порывала с 1789 годом, термидорианский Конвент порывал с 1793 годом»⁴.

¹ *Furet F.* La Révolution. P. 171.

² *Woronoff D.* Op. cit. P. 40-41.

³ La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. P. 146-147, 155, 163, 172.

⁴ *Bosc Y.* Boissy d'Anglas... P. 401.

«Легитимность правительства отныне была основана не на абстракции естественных прав, а на позитивном праве, укорененном в истории революции»¹. При этом подчеркивается, что речь идет именно о разрыве политическом, а не об отрицании исторической преемственности².

С этой точки зрения, истинная преемственность сохранялась только в 1789–1794 годах. В Конституции III года нет упоминания о естественных правах человека, которые общество, по мнению просветителей и «людей 1789 года», должно было реализовать, не прописана цель общества, нет гарантии прав человека (права на сопротивление угнетению, как в 1789 году, или же на восстание, как в 1793 году). Отсутствие имевшейся в проекте статьи о том, что цель общества – всеобщее благо и правительство (*gouvernement*) конституируется для гарантирования прав человека, лишает, по мнению Боска, этот текст не только внутренней логики, но и самого смысла существования, «*raison d'être*». Коль скоро закон не становится безоговорочно выражением всеобщей воли, а народ делегирует свои права бесконтрольно, Декларация прав 1795 года знаменует резкий разрыв со своими предшественницами³.

И дело отнюдь не в нескольких отмененных статьях якобинской конституции, которые казались термидорианцам наиболее одиозными; речь идет о разрыве логической цепи, начатой в 1789 году⁴. «Новая политическая теория, – отмечает Готье, – не признавала более ни принципа народного суверенитета, ни первоначального акта добровольного объединения. Гражданство, не будучи более естественным правом, потеряло свой универсальный характер. Термидорианцы установили аристократию богатых мужчин, уплачивающих прямой налог, которая, в частности, исключала бедняков, безработных, неграмотных и домашнюю прислугу»⁵.

¹ Bosc Y. Le citoyen contre l'homme? P. 132.

² Bosc Y. 1789-1795: discontinuités. Выступление на семинаре, посвященном проблемам III года. Первое заседание, 2.12.1995.

³ Bosc Y. La Déclaration des droits de 1795 et le projet politique thermidorien. DEA. Dir. M. Vovelle. Université Paris I, 1989. P. 16, 31, 36ss, 48.

⁴ Bosc Y. Boissy d'Anglas... P. 397.

⁵ Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel. P. 252.

Однако мне представляется, что многие термидорианцы никогда не согласились бы с подобными утверждениями. Так, например, Дюпон де Немур прямо писал, что Комиссия «вернула нас в ту же точку, в которой мы находились 15 июля 1789 года»¹. Стоит обратить внимание и на реакцию Дону, когда в самом начале дискуссии депутат Рузэ попробовал убедить его в том, что проще всего вместо Декларации предпослать Конституции «речь, которая не имела бы характера закона». «Может быть, правда, – сказал тогда Дону, – что в 1789 году было бы более мудро составить ее так, как предлагает Рузэ, но сегодня делать это было бы опасно»².

С другой стороны, естественные права и в самом деле упоминались в дискуссии лишь несколько раз. Однако ее анализ приводит к выводу о том, что законодателей по-прежнему продолжали волновать свобода и равенство. Оставались ли они при этом *естественными* правами? Мне кажется, что термидорианцы уходили от бесплодных дискуссий на эту тему. Как писал Лемуар-Ларош, «философы слишком много рассуждали о природном состоянии. Оно не существует даже у дикарей, поскольку эти народы уже объединены»³.

В то же время, во многом законодатели находились, на мой взгляд, в русле идеологического наследия просветителей и 1789 года. «Равенство – одно из естественных прав, которые человек сохраняет в общественном состоянии», – подчеркивал Гарран⁴. «Право не утрачивается, не будучи провозглашенным», – утверждал Э.П.А. Виллетар (*Villetard*)⁵. Декларация, которую предлагает Комиссия, напоминал Крезе-Латуш, – «это декларация прав человека и гражданина; таким образом, она рассматривает человека и в природном, и в общественном состоянии»⁶.

¹ *Dupont de Nemours P.S. Observations sur la constitution proposée par la commission des onze et sur la position actuelle de la France. P., III. P. 5.*

² *Moniteur. № 289. P. 1165.*

³ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 85.*

⁴ *Moniteur. № 332. P. 1337.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Moniteur. № 332. P. 1338.*

На первый взгляд, аргументация сторонников концепции «разрыва» выглядит намного более убедительно. Они не отрицают, что задачей термидорианцев было сохранение завоеваний Революции, однако полагают, что в своем стремлении остановить Революцию «люди 1795 года» отказались от тех идеологических постулатов, которые лежали у ее истоков, и, тем самым, порвали с предшествующей политической традицией¹.

Однако не стоит ли посмотреть на эту проблему под несколько иным углом зрения? Когда в 1789 году были провозглашены изначальные принципы Революции, они далеко не сразу и не полностью начали претворяться в жизнь. Даже Конституцию 1791 года, которой законодатели предпослали первую Декларацию прав, трудно рассматривать как практическую реализацию этих принципов: одно только разделение граждан на активных и пассивных уже не соответствовало принципу равенства. Если следовать этой логике, то лишь якобинскую конституцию можно трактовать как наиболее соответствующую духу Декларации прав. Однако, не будучи введенной в действие, не осталась ли и она, в некотором роде, своеобразной декларацией, так и не получившей силу закона?

Мне видится, что термидорианцы столкнулись с противоречием между принципами, провозглашенными в 1789 году, и реальной законодательной практикой. Сохранить принципы нетронутыми оказалось невозможно. Более того, стало очевидно, что теоретические споры вокруг философских проблем (таких, например, как естественные права человека) выходят за рамки конституции, являясь в известной степени схоластическими. Как предлагал во время дискуссии Ланжюине, «оставим философам столь тонкие материи»².

В 1795 году существовало два варианта выхода из этой ситуации. Один из них – полностью отказаться от декларации прав, ограничившись одной лишь конституцией. Следы этого подхода мы уже видели в дискуссии в стенах Конвента, есть они и в переписке Комиссии. «Права человека хороши, чтобы ниспровергнуть какое-

¹ Bosc Y. Arrêter la Révolution, conserver la Révolution.

² Moniteur. № 332. P. 1337.

либо государство, – утверждал один из ее корреспондентов. – Они выполнили эту задачу в 1789»¹.

Однако большинство термидорианцев не случайно остановилось на другом варианте. «Декларация прав кажется менее полезной сегодня, чем в 1789 году, – откровенно писал Лувэ. – Но следует ли из этого, что нужно отказаться от нее, отвергнуть это введение в Конституцию? Мы отнюдь так не думаем; нам лишь кажется, что нужно составить ее с большей осторожностью, чем в 1793 и даже в 1791 годах»². Что и было сделано. Отбросив спорные вопросы, депутаты постарались составить новую Декларацию в соответствии с духом, а не буквой 1789 года. Гражданское равенство, свобода, собственность, безопасность – все эти права человека по-прежнему гарантировались. Но гарантировались *в обществе*, то есть именно в той сфере, к которой, собственно, и относилась конституция.

И ее *raison d'être*, несомненно, виделся депутатам в ином. Лучше всего об этом, пожалуй, сказал Камбасерес: «Декларация прав – это, так сказать, вдохновитель (*le patron*) конституции, а она сама – не более чем собрание регламентирующих законов, основанных на декларации»³. Иными словами, предполагалось, что законодатели будут руководствоваться Декларацией в качестве моральной основы для составления законов (и Конституции в том числе).

Теперь же, когда были определены принципы, на которых государству предстояло базироваться, необходимо было решить, каким образом оно будет управляться.

¹ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 2.

² La Sentinelle. 20 messidor (8.07.95.). № XV. P. 58.

³ Moniteur. № 289. P. 1166.